

Живая натура

Воз. Москва, - 1999 - 3 авт. - с. 5

Если бы Гоголь захотел выпить...

Сергей ЛЕОНОВ

— Валентин Викторович, ваши исторические романы и детективы — это своеобразная энциклопедия старой, навсегда ушедшей Москвы. Трактир Егорова в Охотном ряду и номера «Мадрида» на Тверской, купеческие загулы в «Славянском базаре» и суэта на Брест-Литовском вокзале... И все это на фоне хитрых преступлений и блестящей работы сыщиков. А еще названия трактиров, имена владельцев домов, ресторанные меню, роскошные ювелирные магазины, марки автомобилей начала века — насколько это все документально?

— Я — потомственный москвич. Мои предки жили в Белокаменной еще при Екатерине Великой. Я люблю этот город. Посмотрите на эти книжные полки и ящики. Они хранят ответы на все вопросы быта и нравы ушедших времен. Много лет я собираю необходимые для литературной работы материалы — старинные книги по истории России и криминалистики, по судебной медицине и психиатрии, меню ресторанов и званных обедов, фотографии преступников, сыскарей, купцов, генералов. А еще — каталоги товаров, этикетки винные и пивные. Я знаю, как выглядели проданные свидетельства и дорожные шкинского времени, паспорта, наряды на конвоирование арестантов, билеты на конку и на метро 30-х годов. Я коллекционирую все, что составляло быт ушедших эпох. Для литератора — это бесценный источник самых точных знаний.

— Стало быть, подобное собрание древностей — необходимое условие для пишущего в жанре исторической прозы?

— Безусловно! Впрочем, писатель, работающий в этом жанре, обязан быть страстным книжником, быть начитанным. Любимым занятием Пушкина было бродить по книжным лавочкам. Он зарабатывал на сочинениях большие деньги и большую часть своих гонораров тратил на приобретение книг. Кучер Пушкина Петр вспоминал, что только из Михайловского поэт перевез домой двенадцать возов книг. Александр Сергеевич читал необыкновенно много и всегда с пером в руке. То же можно сказать и о великом Толстом. Но из наших современников мне известен лишь один крупный писатель, который сумел собрать богатую антикварную библиотеку, прекрасный иконографический и архивный материал. Это покойный Валентин Пиккуль. И он умел распоряжаться своими сокровищами. Не случайно его книгами уже лет тридцать зачитываются россияне. Кстати, «Фаворит», на мой взгляд, — одна из лучших биографических книг в русской литературе.

— Помните, нечто подобное вы говорили о «Петре I» Алексея Толстого.

— Это прекрасная книга! Сам Иван Бунин восхищался «Петром», хотя Куприн завистливо называл роман лубочным. Вдова знаменитого библиофила Николая Смирнова-Сокольского, жившего в угловом доме на Малой Бронной, рассказывала мне, что Толстой во время работы над своей книгой многие недели провел у них в домашней библиотеке, изучая старинные печатные материалы. Для меня очевидно, что многое Алексей Толстой заимствовал из шеститомной «Истории царствования Петра Великого» Устрялова, вышедшей в шестидесятые годы прошлого столетия.

— Но ведь можно пользоваться

ся и государственными хранилищами?

— Ими и надо пользоваться, но лишь как подспорьем. Позвольте привести собственный пример. Когда я собирал материал к своему историческому роману о Бунине «Холодная осень», много лет занимался в рукописном отделе и спецхране ГБЛ, в различных закрытых архивах. Ведь надо было тщательно проработать периодическую русскую эмиграцию. В частности, главная парижская газета «Последние новости» выходила с весны 1920 года по июнь 1940 года. Следовало не просто перелистать страницы, но прочитать нужные публикации и сделать выписки. А мемуарная литература? Я проработал все — до

последней строки, — что было написано об Иване Алексеевиче. И основное приобрел, поставил вот на эти полки. Но вместе с тем я разыскивал и приобретал не известные прежде письма, рукописи, книги с дарственными надписями Бунина — около сотни.

— Разве такое возможно?

— Представьте себе, что — да. В государственное хранилище по любому поводу не набегаешься. Смело скажу: покажи твою библиотеку, и я скажу, что ты стоишь как писатель, как интеллигент.

— Валентин Викторович, признаюсь как читатель: меня поражает знание бытовых мелочей прошлого, которыми весьма удачно вы пользуетесь. Даже цены на шампанское или вино приводите...

— Это нетрудно. Я знаю, сколько стоил пуд малосольной бегуи, к примеру во времена Гоголя — шесть с половиной. Если бы Николай Васильевич поджидал в гостях Белинского, который провозгласил его «главою литературы», то он смог, к примеру, отправиться в винную лавку купца 3-й гильдии Маркела Шустова, что в Рогожской части, против церкви Николая на Ямах. Тут глава литературы имел бы богатый выбор. Это и «Арак» за 1 рубль 25 копеек за бутылку, и водка бордоская — 55 копеек, коньяк «Старый» — 1 рубль, или за эту же цену захотели бы выпить ром «Ямайского» или «Ратафи № 1». Впрочем, Николай Васильевич мог зайти в любой погребок и утешить душу сполна: в России было все, что пожелаешь.

— Вы можете назвать цены на продукты питания за последние сто или двести лет?

— (Смеется). Могут — не выходя из своего кабинета.

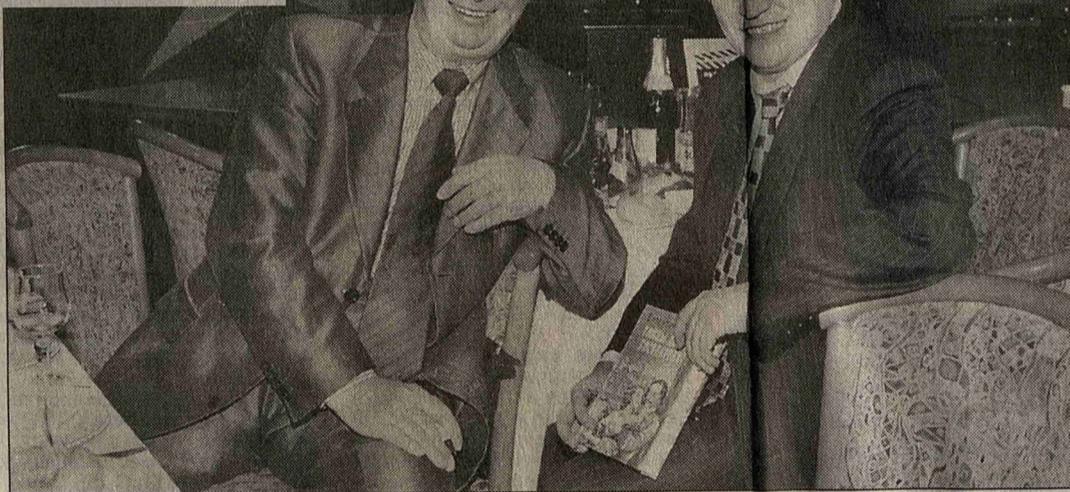
— Так сделайте любезность, скажите, сколько стоила, к примеру, баранина времен Николая I.

— Вы, сударь, должны уточнить: какая баранина, в каком месяце, в каком городе империи? Самым дорогим был Петербург. (Хозяин снимает с полки книжку в кожаном переплете.) Это «Ведомости Петербургской распорядительной думы за первую декаду октября 1851 года». Баранина продавалась десятками — двенадцати сортов. Так, лучшая, «здешнего боя» стоила 6 с половиной за пуд.

— То есть меньше 40 копеек за килограмм...

— Но это, глядите, первого сорта. Второй стоил 4 рубля 50 копеек за пуд, а третий — и вовсе 2.50. А еще

В гостях у Валентина Лаврова

Валентин Лавров и Анатолий Карпов в развлекательном центре «Метелица». Как выяснилось, чемпион мира любит не только шахматы, но и исторические детективы Лаврова

была баранина «привозная мерзлая», бараны русские, черкасские, ордынские — «живые и мерзлые», окорока, поросята, сбой — пища для бедных людей, солонина, телятина — в разном виде и разных сортов. А еще — обширный «куриный торг», в который входили бекасы, вальдшнепы, голуби, дрозды, гуси, дупельшны, зайцы, индейки, куропатки, перепелки — газетной полосы не хватит для перечисления. А вот цены для любителей застолья: во времена молодого Тургенева порвейн красный за бутылку стоил 40 копеек, десертное бургонское — один рубль, шампанское — два рубля, коньяк — 70 копеек. Вообще многие детали быта, если не были описаны своевременно, навсегда уходят в Лету. Многие ли знают, что еще в первой половине прошлого века за трапезой дамы и мужчины сидели по разные стороны стола? Что танцы во время бала всегда начинались с полонеза, а уж потом следовал вальс? Что мужчина, сидя, не разговаривал со стоящей дамой, даже на службе? Кстати, я еще застал время, когда мужчины в общественном транспорте не сидели в присутствии женщины — всегда уступали место. И никто не жевал на улице и не швырял на тротуар мусор. Постоянные милиционеры, как городские до революции, стояли в пределах видимости друг друга. Они были подтянуты, предупредительны и имели при себе «Справочник милиционера по гор. Москве», дабы в любой момент объяснить трудящемуся, как проехать или пройти.

— Увы, нынче многое переменялось, и не в лучшую сторону! Вернемся к ценам. Сильна ли была девальвация?

— Такое мудреное слово народ не знал, его даже в словаре Даля нет. Русские много путешествовали и с собой брали рубли. Европейцы их охотно обменивали на франки, марки, шиллинги. Рубль везде был в почете! Покупательная способность рубля постоянно возрастала, продукты дешевле. (Писатель берет с полки увесистый том.) Это «Справочные цены» за 1913 год. Скажем, в начале августа фунт парной баранины от задней части стоил всего 18 копеек, «яйца отборные, десяток» — 30 копеек, фунт копченой колбасы — тоже 30 копеек, пуд свежей (!) осетрины — всего 11 рублей.

— Но ведь это было доступно лишь богатым?

— Совсем нет! Чернорабочий получал в день два рубля. На эти деньги можно было в трактире вкусно поесть, выпить вина — сколько влезет, да еще в кошелек изрядные деньги оставались.

— Я слышал на радио «Говорит Москва» инсценировки по вашим книгам.

— Да, уже девятый месяц на этом радио — третья кнопка проводного вещания, или 90,8 FM, — великолепно идут постановки по детективам «Граф Соколов — гений сыска», «Железная хватка», а сейчас каждые субботу и воскресенье в 9.05 утра идет инсценировка по историческому детективу «Триумф

графа Соколова» в талантливом исполнении вахтанговца Виктора Зозулина. В знак глубокого уважения мы посвятили нашу работу славному российскому МВД. Тем более что не за горами 200-летие этого учреждения.

— Да, в 2002 году исполнится 200 лет МВД России. Скажите, какие заработки в этом ведомстве были в начале нашего века?

— Как правило, сотрудники полиции имели казенную квартиру, оплаченные дрова, дешевый артельный стол. Участковые приставы в чине полковника получали 2 100 рублей в год, рядовые сыскари — около 700 рублей, чуть больше — околотовные надзиратели, а паспортисты — более 900. Это обеспечивало пристойную жизнь.

— Но вы ведь не станете отрицать, что и тогда хватало бедняков и нищих?

— Чаще всего это были неумехи, лодыри, бродяги. Вспомните «На дне» Горького. Там ни разу ни один персонаж не говорит о том, что хочет и не может найти работу. Работы, и хорошо оплачиваемой, хватало для всех. «Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях» —

воскликнул: «Не верю, большинство людей нынче куда хуже питаются!» Я протянул Зорину журнал «Тюремный вестник» за январь 1911 года. Комментатор подтвердил: «Да, дорогие радиослушатели, этот рацион опубликован на 88-й странице!» Россия была самым богатым государством, где хорошо жил всякий, кто хотел и мог трудиться.

— Да-с, для многих наших читателей это станет открытием.

— Работая со старинными документами, постоянно делаешь открытия — и для себя, и для читателя. Скажите, сколько верст преодолевали наши пращурь, отправляясь из Москвы в Петербург?

— Вопрос легкий — шестьсот!

— Ан нет! Это по Николаевской железной дороге 609 верст. А вот по почтовому тракту, проходившему через Новгород и Тверь, где в пыльных кибитках или промерзлых дилижансах тряслись наши прадеды и прабабки, было намного больше — 698 с четвертью. Пушкин, как и другие, выкладывал за место в дилижансе сто целковых — деньги громадные. Перед писателем в процессе работы встают самые неожиданные вопросы. Конечно, их можно обходить, но читатель это быстро поймет и о книге скажет: «Чепуха!» Сочинение должно быть напряженным, его не надо облегчать от исторических и бытовых деталей. Читатель, развлекаясь чтением, хочет еще и получать полезные сведения — это справедливо, это еще и Лев Николаевич одобрял.

— Не кажется ли вам, что нынче многие литераторы стали забывать, что пишут «на могучем и великом русском языке»?

— Помните, Чехов сказал, что может написать рассказ на любой сюжет, хоть про чернильницу? И Антон Павлович мог бы написать про чернильницу так, что вы не оторвались бы до последней строчки. У того же Бунина рассказы не имеют острых сюжетов. А как читаются?! На одном дыхании. Для этого в арсенале литератора обязан быть яркий, сочный и выразительный язык. Писатель обязан тщательно изучать язык выдающихся русских литераторов — от Сумарокова и Державина до Лескова, Толстого, Горького, Бунина и Шолохова. Каждая написанная фраза должна быть живой, упругой, дышащей. Работа над словом сродни труду ювелира, шлифующего бриллиант.

— Думается, это одна из причин, по которой приключения гения сыска графа Соколова и других знаменитых сыщиков, вышедшие из-под вашего пера, читаются в захлеб. Как вы охарактеризуете продукцию, которая нынче завалила книжный рынок?

— Нынче выходят различные книги. Среди них есть первосортная литература, в том числе классика прошлого века. Но, как и во все времена, печатают немало книжного мусора. Жаль, что у всякого вздора находится множество потребителей. Безразличная, бездарная книга калечит душу. Еще Лев Николаевич заметил: лучше ничего не читать, чем читать всякую глупость. Читателям я посоветовал бы чаще обращаться к русским классикам — Л. Н. Толстому, Достоевскому, Герцену, Лескову, Мельникову-Печерскому, Бунину, забытому Горбунову. Хорошая книга согревает душу, дает пищу уму и сообщает поступком мудрость. Особенно книга историческая, которая воспламеняет сердце гордостью за великую Россию, за ее талантливых и героических народ.

— Теперь без политики не обходится ни одно интервью. На ваш писательский взгляд, кто из нынешних политиков наиболее перспективен?

— Лужков, который сделал для Москвы столько, сколько за всю ее историю не сделал ни один градоначальник. И, конечно, обладающий громадным государственным мышлением и все более набирающий силу Степашин.

— ОТ РЕДАКЦИИ. Валентин Лавров всех приглашает на встречу. Она состоится 5 августа в 16 часов в магазине «Библио-Глобус» (Мясницкая, 6, рядом — ст. метро «Лубянка»). Ответы на вопросы и автографы гарантированы.

Ведущий передачи Игорь Зорин